

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

UDK 343.85:343.988(497.4)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.161-174>

G. MEŠKO¹

¹ *University of Maribor, Ljubljana, Slovenia*

A REFLECTION ON SELECTED FEAR OF CRIME FACTORS IN LJUBLJANA, SLOVENIA*

Objective: to analysis the fear of crime factors according to the research carried out in 2009 in Ljubljana (Slovenia).

Methods: dialectic, systemic, comparison, observation.

Results: the analysis shows that the level of fear of crime has not changed significantly over the last two decades. The latest survey from 2009 implies that the influence of perceived probability of victimization in an emotional reaction is strongest among those who believe that consequences of victimization can be severe, and their own ability to defend from an assailant is low. Analyses have shown that the fear of crime is strongest in women and the elderly. Personal experiences with crime do not result in an increase in perceived probability of victimization, or influence fear of crime, nor do they affect the anticipation of seriousness of the potential consequences of victimization. The article contributes to reflections on fear of crime based on a literature and research review as well as utilization of new models of testing fear of crime factors.

Scientific novelty: the research shows that the used model of fear of crime explains more variance ($R^2 = .54$) than other models used prior to this study (Slovenia, 2001, $R^2 = .43$; Croatia, 2002, $R^2 = .43$; Bosnia and Herzegovina, 2002, $R^2 = .45$) and imply some new findings and confirm findings from the previous surveys. The findings imply that the respondents in Ljubljana relate fear of crime to the impacts of different crimes on their lives. However, research did not confirm that the level of fear of individual crimes is proportional to their severity. It was found out that respondents feel the most threatened by robbery followed by assault.

Practical significance: the article provides insight for crime control and prevention and will be useful for scientific and educational staff, policy makers, graduate and post-graduate students and all those interested in crime control and prevention.

Keywords: Criminal law and criminology; Fear of crime; Factors; Slovenia; Ljubljana

Introduction

Research on fear of crime in Slovenia began in the 1990s when Pavlović [1] investigated this phenomenon in 1992 and 1997. He conducted an International Crime Victims Survey (ICVS) in Ljubljana and other regions of Slovenia. Meško and Umek [2], and Meško and Farrall [3] tested the socio-demographic and social-psychological models of fear of crime and replicated Van der Wurff's et al. study [4]. Meško and Farrall [3] compared the results of their study

with results from Scotland and the Netherlands and found out that there were no significant differences in fear of crime in the countries being compared. In the following decade, several studies used this model in sporadic surveys of fear of crime in urban neighbourhoods in Slovenia [5–10].

The comparison of the results of fear of crime research showed that the fear of crime factors in the population of Slovenia did not change significantly. In 2009, the referenced models were upgraded with the following

* Published by Journal of Criminal Justice and Security. All rights reserved. This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/>), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. For commercial use, see Journal of Criminal Justice and Security: www.fvv.uni-mb.si

For original publication: Meško, G. (2012). A reflection on selected fear of crime factors in Ljubljana, Slovenia. *Journal of Criminal Justice and Security*, 14(A), 422–433.

factors of fear of crime: socio-economic factors, social networks and interpersonal relations, disorder in the neighbourhood, probability of victimization, impact on life in case of victimization, and gravity of the offence, trust in public institutions, and preventive (precautionary) measures [11].

1. Fear of crime factors

Researchers investigating fear of crime [4, 12–15] have tried to explain a large number of factors, and tested various models of fear of crime in their analyses. Important progress from the early research of exclusively demographic characteristics of respondents and their fear of crime was a study that included socio-demographic and social-psychological variables [4].

The fear of crime factors in the 2009 fear of crime survey were discussed by Vošnjak, Šifrer and Meško [16], where the authors empirically tested the these factors. For the purpose of this article, I will summarise the main implication of the fear of crime factors and present the main findings from the 2009 survey in Ljubljana and present factors which can predict fear of crime in inhabitants of urban neighbourhoods.

1.1. Gender, age and socio-economic factors

Common sense suggests that the fear of crime is stronger in people who are not confident in their abilities to protect themselves, either because they cannot run fast, are physically not strong enough to defend themselves, cannot afford protection of their homes, or need more time to recover after material or physical damage has been inflicted. Socio-demographic factors, such as gender, age and socio-economic status, are related to individual vulnerability and influence the fear of crime [13].

Killias [17] tried to clarify the concept of vulnerability. He pointed out that different perceptions of vulnerability probably stemmed from socialisation, which can be particularly noticed in differences between men and women. It is necessary to take into consideration personal vulnerability factors, especially gender which is a suitable starting point, because it continuously appears a significant fear of crime indicator in surveys. The hypothesis that women are more afraid of victimization than men, even though men are much more frequent victims of all sorts of criminal offences, with the exception of sexual violence has been confirmed. In women, fear of sexual violence increases fear of other criminal offences [18]. As a result of continuous contact with sexual harassment, women become more alert to the possibility of danger from

their environment and feel the need for a safer lifestyle in order to protect themselves. However, it is necessary to be careful with the interpretation of these results. Regarding gender, a paradox is noticed as fear of crime is strongest in elderly women, although victimization is lowest in this group, and fear of crime is least expressed in young men, while they are most frequently victimized. Gilchrist, Bannister, Ditton, and Farrall [19] and Meško and Areh [6] mentioned the stereotypes of the so-called 'frightened woman' and 'fearless man'. Meško and Areh [6] questioned these stereotypes with an empirical test of ideas of fearless women and frightened men. The stereotype of worried and frightened women supposedly originates from socialisation involving fear of the unknown and strangers, dependence on known men (father, brother, partner), and socialisation involving fear of public places. Feminists have criticised women's hysterical responses and over-reaction and reveal the fact that women are more sensitive and perceptive than men. They have also established that women witness and experience more violence (physical and sexual) at work, in the street and at home. Stanko and Hobdell [12] studied the relationship between victimization, gender and dealing with victimization. They learned that male victims of violent criminal offences experienced great fear, suffered from phobias, sleeping disorders, became excessively careful, underwent personality changes, and became significantly more vulnerable, which bears strong resemblance to the reactions initially attributed to women.

According to Gilchrist, et al. [19], differences in the fear of crime between genders are supposedly only one more consequence of conclusions drawn from inadequate methodology, as is demonstrated by the above-mentioned feminist criticism. Even if it seems unlikely that fear of crime in women is exaggerated, it is increasingly evident that fear of crime in men was assessed too low. The low levels of fear of crime in men has always seemed unusual, since men (as a group) experience a high rate of violence, most often in public places and usually from strangers. It seems that in surveys men do not want to answer in a way that would undermine their image of being invulnerable [20].

Fear of crime in the elderly and its influence on the quality of their life are discussed in the literature [13, 20, 21]. The age factor stands out in discussing vulnerability, and increases fear levels in people. There are a number of studies [22–25, 15] claiming that this relation is of little or negligible importance, or conditioned

by other factors, such as low income, single status, and health problems. Other studies [26, 20] indicated that, under certain circumstances, the elderly experience less fear of victimization than the young.

Meško [15] stated that the elderly are more dependent on monthly incomes (pensions), and that any loss of money, damage, or cost of medical treatment represents a larger burden for them than for other groups. In addition, recovery of the elderly, mainly victims of violent criminal offences (i.e. robbery, bodily injury), takes a longer time and is often related to more problems than with the young.

Income and education are important additional fear of crime factors. The rate of fear among the poor and less educated population is higher than in the white, rich, and more educated population. The higher level of fear of crime among people with low income and low education can be explained by environmental and contextual factors. They often live in neighbourhoods with a high crime rate and incivility. People from the lower socio-economic groups find it harder to protect themselves or their property, or avoid circumstances that generate fear of crime [13]. In addition to material sources, it is necessary to pay attention on social resources, conditioned by the quality of social networks.

1.2. Social networks, social capital and social cohesion

A certain level of social cohesion, human solidarity, loyalty, group and interpersonal attraction, and responsibility is typical in social groups and a society in general. All of these characteristics of internal social life are addressed by the term 'social climate' in a group. A good social climate is demonstrated by a high rate of social cohesion, predominance of positive emotions of group members, feeling of responsibility for the group's success or failure, and feeling of belonging to the group, and the group's appeal to group members (values). Low social cohesion is reflected in the predominance of negative feelings in group members, hostility and conflicts between group members, insufficient feelings of belongingness, absence of feeling of responsibility for the group's success or failure, and insufficient appeal of the group to its members [27].

Networking is a typical characteristic of a modern society. The level of involvement in the network structures of society influences a person's level of social integration and the quality of their life. Social capital is what helps spread the network and supplying the provisions necessary for enabling and maintaining integration in the modern networked world. Both formal

and informal social networks are essential components of social capital [28]. Kawachi, Kennedy and Wilkinson [29] point out the relation between a low supply of social capital and a high crime rate. They supported the thesis of social disorganisation, suggesting that the rate of social cohesion or social capital is essential for understanding the relationship between the crime-rate and a neighbourhood, a community, and even a society. Cohen and Prusak [30] and Martinjak [28] state that communities with a large stock of social capital have higher health-rates, better educational structures and economic growth, and a lower crime-rate.

1.3. Fear of crime and (social and physical) disorder in the neighbourhood

In addition to social relations in neighbourhoods, an important fear trigger is the disorder in these neighbourhoods. Meško and Umek [2] linked fear of crime with characteristics of the physical environment in which people live as this relationship has not been fully clarified. Two forms of disorder [15], physical and social, need to be taken into consideration. Signs of physical disorder are untidiness, run-down buildings, piles of rubbish, graffiti, vandalism, deserted cars, etc. The most obvious signs of social disorder are drinking bouts in public places, tramps, beggars, groups of youngsters roaming the streets, harassment, unconcealed drug trafficking, and using drugs in public places. Physical and social disorder is considered an indicator of a neighbourhood's disarray, the cause of crime, and increased fear of crime. Signs of disorder and untidiness attract potential offenders. Solving untidiness and disorder in a neighbourhood should increase the risk for offenders, decrease crime-rates, and reduce fear of crime levels [15].

A neighbourhood should be a safe environment and not represent a threat to people living there. The mere awareness that social and emotional support is available contributes to a lower rate of fear, and, consequently, to a feeling/belief of lesser vulnerability for people. The feeling of belonging to the community can help people establish trust in their own abilities, and thus decrease the feeling of possible victimization and fear of crime. If fear of crime is related to disorder in the neighbourhood, be it social and physical, the inhabitants of the neighbourhood recognise its signs, and on the grounds of co-operation suppress its influence. Integration in the community also helps in developing more detailed mental-maps of safe and unsafe places in the neighbourhood [13].

1.4. Probability of victimization and fear of crime

The likelihood of victimization is related to the perceived probability of victimization – it can function together with other factors, such as gender, age, place of living, official crime statistics, awareness of people, or other factors influence the fear indirectly, through generating a perception of potential victimization. Ferraro [18] concluded that assessment of victimization probability is an important – yet not the most important, nor even the only – factor in developing the fear of crime. In addition, an important discovery is also that the likelihood of victimization can result in various reactions and consequences. It affects not only what people feel (fear), but also what they do (change of behaviour). Behavioural changes are demonstrated by purchasing safety systems, avoiding means of public transportation or changing daily routines. However, the question of how such behaviour affects fear of crime is not fully understood. It can intensify fear, it can decrease it, or it can have no impact on it at all. In his research, Ferraro [18] discovered that behaviour changes can over a longer time period decrease the victimization risk assessment, but they do not decrease the fear of crime. Implementation of preventive measures to decrease victimization cannot generate fear of crime if it did not exist beforehand but it can increase existing fear.

1.5. Victimization impacts – direct and vicarious victimization

Skogan [31] established that fear of crime is related to victimization. The results of his research, in Houston and Newark conducted at 6-month intervals, confirm this relationship. Both bodily and material victimizations are related to fear of crime, especially the fear of recurrence of such events. Fear is also affected by recent victimization and its frequency. Skogan [31] also indicates that victimization has merely a short-term effect on the fear of crime, and that temporal distance from the victimization act was not given sufficient attention by researchers [15]. Fear of crime can be proportionate to the severity of a criminal offence experienced.

There is a perception that people are more afraid of being a victim of violence than of property offences. However, according to available data, the frequency of criminal offences decreases with their gravity; the more serious the offence, the less frequently it is committed. Therefore, if severity of a criminal offence was the only (or the most important) determinant of fear, individuals would be most afraid of criminal offences with the least likelihood of their occurrence. According to this,

the strongest would be the fear of being a murder victim. Warr [32] indicates that this conclusion is incorrect, and presents other factors regarding this phenomenon, such as exposure to risk, the severity of the consequences of a crime, inability to resist a criminal, social factors (size of the neighbourhood, tidiness, crime-rate), individual characteristics (gender, age, education, socio-economic status), perception of social disorganisation (vandalism, drugs), cognitive judgment of potential victimization, the crime-rate, police work and direct experiences of victimization.

Severity of a criminal offence can, therefore, be only one of the determinants of fear [32]. In addition, indirect experiences, such as knowing victims, or learning about victimized people from the mass media, can contribute to the increased perception of victimization risk [33]. They are the so-called ‘crime multipliers’, or processes, that take place in neighbourhoods and “spread” the influence of criminal offences [34].

Data show that news about victimized friends or neighbours intensifies fear of crime in individuals, and indirect experiences with victimization increase worries about victimization as a direct experience. However, it must be noted that many inhabitants of a neighbourhood are informed about crime indirectly, through channels, which can inflate, reduce, or disfigure the real crime picture [35]. An individual’s perception of risk can be additionally instigated by interpersonal communication with peers, family members, peers, friends, acquaintances and the media, while it can be moderated by their own experiences [36, 37].

One of the possible explanations of the increased fear of crime is a vicarious victimization. A crime victim who tells their story to others results in compassion and empathy with the victim’s problems. An even more direct source of vicarious victimization is the media, which dramatically or realistically depicts various criminal offences. The most influential is television, which broadcasts an increasing number of TV series about police work, violence and crime. The channels have been flooded with these series, which determine an individual’s view of society and affect their perception of crime reality. Scenes from TV are not only limited to «street crime», but they often emphasise vulnerability of homes, and show potential consequences of not behaving in a self-protective way and exposure to all kinds of danger [36]. In addition, the print media have an important influence on the fear of crime. In an analysis of British newspapers, Williams and Dickinson [38] found out that fear of crime also depends

on the way crime is presented in the crime section of a newspaper. Using a telephone survey, Chiricos, Hogan and Gertz [39] learned that people who watch TV a lot and listen to radio news, experience more fear of crime, which is especially more typical for women.

1.6. Trust in public institutions

After gaining independence in 1991, state institutions and the political system of Slovenia were burdened with high expectations about democratic institutionalisation. People evaluated very specific social, economic, and political changes, which affected their quality of life. Confidence in the political-system institutions had gradually decreased with the years, to increase at the end of the 1990s, at the beginning of the new decade [40]. Nevertheless, it is the political-system institutions that people do not trust, with the least trusting people being the most active section of the population development: the younger, better-educated, socially high-ranked, less discriminatory, and less egalitarian. In short, the carriers of mistrust represent important potential for the democratic development of society.

Rus and Toš [40] emphasised that trust is not everything; the power of democracy also lies in mistrust, provided that it is justified in the democratic system value-baselines, and expressed by sophisticated, better-informed citizens, or active individuals and groups trained and prepared to reform systems. Nevertheless, on the international scale, Slovenia has been ranked “somewhere in the middle”. As far as the extent of expressed mistrust is concerned, it does not deviate significantly from traditionally democratic countries, with the exception that, in Slovenia, there is a lower rate of trust in political system institutions, and trust in the judicial system has disintegrated, while trust in state welfare institutions is adequately high; and, in addition to high confidence in the educational system, there is a high rate of confidence in the mass media.

Discussion

In this section of the article, I will present and discuss findings from the 2009 fear of crime survey conducted in six capitals in the area of former Yugoslavia, with the emphasis on the capital of Slovenia Ljubljana [41]. The results from this survey will be discussed in relation to the findings on fear of crime presented in the introductory part of this article. A review of fear of crime research in Slovenia shows that no significant changes regarding the impact of fear of crime factors on fear of crime have

been observed in the last two decades. This result can be attributed to the application of the same model which consists the same questions at all surveys as well as to the assumption that fear of crime factors stay quite stable in urban environments. Despite increasing crime and imprisonment rates in Slovenia since the mid-1990s [42], fear of crime surveys show that factors of fear of crime and its intensity seems to be quite stable. The research model consisting socio-demographic and social psychological questions used in the 2009 survey included new variables and gave us an opportunity for an additional insight on fear of crime factors.

In the analysis of the 2009 survey, a fear of crime variable was included in the regression analysis as a dependent variable. Before the regression analysis a factor analysis of sections of the questionnaire was used. The results show that the used model of fear of crime explains more variance ($R^2 = .54$) than other models used prior to this study (Slovenia, 2001, $R^2 = .43$; Croatia, 2002, $R^2 = .43$; Bosnia and Herzegovina, 2002, $R^2 = .45$) [10] and imply some new findings and confirm findings from the previous surveys. The findings imply that the respondents in Ljubljana relate fear of crime to the impacts of different crimes on their lives. However, research did not confirm that the level of fear of individual crimes is proportional to their severity. It was found out that respondents feel the most threatened by robbery followed by assault.

Regarding vicarious victimization, the perception of a violent crime, in which another person was victimized (and shares information about their victimization with others), has a greater influence on increasing fear of crime levels than the perception of a property crime. Regarding the perception of the probability of direct victimization, property crimes cause greater fear than violent crimes, while the results of the influence of vicarious victimization show the opposite. Knowing a victim of a violent crime has a greater influence on the fear of crime than knowing someone who was a victim of a property crime.

The present research confirms that perceived probability of victimization influences subsequent emotional responses; mostly in those who believe that victimization consequences may be severe. Women feel more threatened than men, and senior citizens feel more threatened than other age groups. However, it is necessary to be careful when interpreting these results because a classification analysis has shown a higher percentage of correctly classified units among women (83 %) and a lower percentage of correctly classified units among men (59 %). The results of the analysis indicate that the stereotype

of the worried, frightened woman is justified to a large extent, but a lower percentage of correctly classified men confirm that the stereotype about men who are not afraid of crime and their possible victimization is questionable as 41 % of men responded in the same manner as women.

Respondents who feel most threatened are citizens in the age group over 56. Respondents in the youngest age group 18–21 feel less threatened, and the middle age group 31–55 feel the least threatened. Citizens in Ljubljana in the age group over 56 also have the greatest trust in public institutions. The anxiety due to criminal offences, the consequences of crime, and the negative impact on life in case of victimization, constantly increase with age, whereas confidence in one's ability to defend from an assailant constantly decreases with age.

Respondents who have more trust in people who live in the same neighbourhood, have more friends and know more people who they can rely on, feel less threatened. Involvement in a social network is most typical of senior citizens who also find it most valuable. The results of determining the level of social involvement by establishing to what extent the respondents agree with the statements such as "The people in our neighbourhood can be trusted", "I have many friends in our neighbourhood", "There are many reliable people in our neighbourhood", and "When going shopping or for a walk, I meet many acquaintances" show that it is the senior respondents who agree the most with the listed statements, which indicates that senior citizens are more satisfied with living in the neighbourhood together with other people and that they establish social relations more frequently. The youngest respondents (18–20) agree with these statements the least.

Apart from social relations in neighbourhood, an important factor, which also influences fear of crime, is disorder in the neighbourhood [2, 43]. This factor is not a significant for predicting the fear of crime in Ljubljana.

It was stated in the beginning of this article that income is an important factor which influences people's fear of crime, since the level of fear is higher among the poor, and poorly educated, than among the wealthy and well-educated. This statement cannot be confirmed. It could be assumed that those who are in a strong financial position can afford more "protection" than their fellow citizens. Hale [13] states that people from lower socio-economic groups are less able to defend or protect themselves and their property. However, the results of this research do not confirm this thesis. Thus, in the research, social class as

one of the main elements of social vulnerability, and as a factor in the fear of crime, is excluded, and we establish that the respondents from lower socio-economic groups would feel severe consequences due to victimization, and possible victimization would influence their lives to a greater extent. Those who are financially better situated do report better inter-personal relationships.

Previous victimization of respondents has little influence on the estimation of the probability of crime in the next 12 months, since the respondents who have already been victimized in their lives estimate that they will less likely become a victim of any crimes, such as street robbery, fraud, physical assault, theft, and street harassment in the next 12 months. Moreover, possible victimization in the next 12 months is believed that it would have less severe consequences for respondents who have already been victimised than for those who have never been victims of any crime. The variable 'probability of victimization in the next 12 months' is not a statistically significant predictor of the fear of crime as it was found to have no influence respondents present fear of crime.

The 2009 fear of crime survey in Ljubljana requires a follow up which is planned for 2017. As it consists of questions from all previous surveys and new questions on fear of crime, the instrument needs to be additionally tested in the future studies of fear of crime. The results of this study also have significant implications for crime control and prevention policy makers who set priorities in crime control and prevention in urban environments and practitioners who implement crime prevention strategies [44].

References / Список литературы

1. Pavlović, Z. (1998). Mednarodna anketa o viktimizaciji: Slovenija 1997. Ljubljana: Inštitut za kriminologijo.
2. Meško, G., & Umek, P. (1999). Značilnosti social-nopsihološkega in demografskega modela strahu pred kriminaliteto. Revija za kriminalistiko in kriminologijo, 50 (2), 131–137.
3. Meško, G., & Farrall, S. (1999). Socijalna psihologija straha od zločina: usporedba slovenskih, škotskih i inozemskih lokalnih istraživanja zločina. Hrvatska revija za rehabilitacijska istraživanja, 35 (2), 141–149, 151–159.
4. Van der Wurff, A. L., Van Staaldouin, L., & Stringer, P. (1989). Fear of crime in residential environments: Testing a social psychological model. Journal of Social Psychology, 129 (2), 141–160.
5. Meško, G. (2000). Strah pred kriminaliteto, policijsko preventivno delo in javno mnenje o policiji: raziskovalno poročilo. Ljubljana: Visoka policijsko-varnostna šola.
6. Meško, G., & Areh, I. (2003). Strah pred kriminaliteto v urbanih okoljih. Revija za kriminalistiko in kriminologijo, 54 (3), 256–264.

7. Meško, G., & Areh, I. (2004). Strah pred kriminaliteto v Sloveniji. In Meško, G. (Ed.), *Preprečevanje kriminalitete: teorija, praksa in dileme*. Ljubljana: Inštitut za kriminologijo pri Pravni fakulteti v Ljubljani.
8. Meško, G., Areh, I., & Kury, H. (2004). Testing social-demographic and social-psychological models of fear of crime. In G. Meško, M. Pagon, & B. Dobovšek (Eds.), *Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of contemporary criminal justice* (pp. 642–655). Ljubljana: Faculty of Criminal Justice.
9. Meško, G., Fallshore, M., Muratbegović, E., & Fields, C. (2007). Fear of crime in two post-socialist capital cities - Ljubljana, Slovenia and Sarajevo, Bosnia and Herzegovina. *Journal of Criminal Justice*, 36 (6), 546–553.
10. Meško, G., Kovčo-Vukadin, I., & Muratbegović, E. (2008). Social-demographic and Social-psychological perspectives of fear of crime in Slovenia, Croatia and Bosnia and Herzegovina. In H. Kury (Ed.), *Fear of crime – punitivity: New developments in theory and research* (pp. 173–196). Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.
11. Vošnjak, L. (2011). *Strukturalna analiza socio-demografskega, socialno psihološkega in celostnega modela zaskrbljenosti ljudi glede kriminalitete in sodobnih oblik negotovosti* (Doctoral dissertation). Ljubljana: Fakulteta za varnostne vede.
12. Stanko, E., & Hobdell, K. (1993). Assaults on men: Masculinity and male violence. *British Journal of Criminology*, 33 (3), 400–415.
13. Hale, C. (1996). Fear of crime: A review of the literature. *International Review of Victimology*, 4 (2), 79–150.
14. Farrall, S., Bannister, J., Ditton, J., & Gilchrist, E. (1997). Questioning the measurement of the fear of crime: Findings from a major methodological study. *British Journal of Criminology*, 37 (4), 657–78.
15. Meško, G. (2002). *Osnove preprečevanja kriminalitete*. Ljubljana: Visoka policijsko-varnostna šola.
16. Vošnjak, L., Šifrer, J., & Meško, G. (2011). On fear of crime factors – 2009 survey in Ljubljana, Slovenia. *Egklima-tologija*, (Oct.), 21–31.
17. Killias, M. (1990). Vulnerability: Towards a better understanding of a key variable in the genesis of fear of crime. *Violence and Victims*, 5 (2), 97–108.
18. Ferraro, K. F. (1995). *Fear of crime: Interpreting victimization risk*. Albany: Suny Press.
19. Gilchrist, E., Bannister, J., Ditton, J., & Farrall, S. (1998). Women and the fear of crime. *British Journal of Criminology*, 38 (2), 283–297.
20. Pain, R. (2000). Place, social relations and the fear of crime: A review. *Progress in Human Geography*, 24 (3), 365–387.
21. Gray, E., Jackson, J., & Farrall, S. (2008). Researching everyday emotions: Towards a multidisciplinary investigation of the fear of crime. In H. Kury (Ed.), *Fear of crime – punitivity: New developments in theory and research* (pp. 3–24). Bochum: Universitätsverlag Brockmeyer.
22. Yin, P. (1982). Fear of crime as a problem for the elderly. *Social Problems*, 30 (2), 240–245.
23. Clarke, A. H., & Lewis, M. (1982). Fear of crime among elderly. *British Journal of Criminology*, 22 (1), 49–62.
24. Warr, M. (1984). Fear of victimization: Why are women and the elderly more afraid? *Social Science Quarterly*, 65 (3), 681–702.
25. Ferraro, K. F., & LaGrange, R. L. (1987). The measurement of fear of crime. *Sociological Inquiry*, 57 (1), 70–101.
26. LaGrange, R. L., & Ferraro, K. F. (1987). The elderly's fear of crime. *Research on Aging*, 9 (3), 372–391.
27. Ule, M. (2009). *Socialna psihologija: analitični pristop k življenju v družbi*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
28. Martinjak, N. (2004). Koncept socialnega kapitala v socialni pedagogiki. *Socialna Pedagogika*, 8 (4), 488–493.
29. Kawachi, L., Kennedy, B. P., & Wilkinson, R. G. (1999). Crime: Social disorganization and relative deprivation. *Social Science & Medicine*, 48 (6), 719–731.
30. Cohen, D., & Prusak, L. (2001). *In good company: How social capital makes organisations work*. Boston: Harvard Business School Press.
31. Skogan, W. G. (1987). The impact of victimization on fear. *Crime and Delinquency*, 33 (1), 135–154.
32. Warr, M. (1993). Public perceptions and reactions to violent offending and victimization. In A. J. Reiss, & J. A. Roth (Eds.), *Understanding and preventing violence. Vol. 4, Consequences and control* (pp. 1–65). Washington: National Academy Press.
33. Skogan, W. G., & Maxfield, M. G. (1981). *Coping with crime*. Beverly Hills: Sage.
34. Taylor, R. B., & Hale, M. (1986). Testing alternative models of fear of crime. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 77 (1), 151–189.
35. Skogan, W. G. (1986). Fear of crime and neighborhood change. In A. J. Reiss, & M. Tonry (Eds.), *Communities and crime* (pp. 387–416). Chicago: University of Chicago Press.
36. Meško, G., & Eman, K. (2009). Myths about crime – what is (un)real in the real world? In G. Meško, T. Cockcroft, A. Crawford, & A. Lemaître (Eds.), *Crime, media and fear of crime* (pp. 29–49). Ljubljana: Tipografija.
37. Meško, G., Cockcroft, T., Crawford, A., & Lemaître, A. (Eds.) (2009). *Crime, media and fear of crime*. Ljubljana: Tipografija.
38. Williams, P., & Dickinson, J. (1993). Fear of crime: Read about it. *British Journal of Criminology*, 33 (1), 33–56.
39. Chiricos, T. G., Hogan, M., & Gertz, M. (1997). Racial composition of neighborhood and fear of crime. *Criminology*, 35 (1), 107–131.
40. Rus, V., & Toš, N. (2005). *Vrednote Slovencev in Evropejcev: analiza vrednotnih orientacij Slovencev ob koncu stoletja*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede, IDV-CJMMK.
41. Meško, G., Vošnjak, L., Muratbegović, E., Budimlič, M., Bren, M., & Kury, H. (2012). Fear of crime in urban neighbourhoods: a comparative analysis of six capitals. *Journal of Criminal Justice and Security*, 14 (4), 397–421.
42. Meško, G. & Jere, M. (2012). Crime, criminal justice and criminology in Slovenia. *European Journal of Criminology*, 9 (3), 323–334.
43. Meško, G. & Kury, H. (Eds.) (2009). *Crime policy, crime control and crime prevention – Slovenian perspectives*. Ljubljana: Tipografija.

44. LaGrange, R. L., Ferraro, K. F., & Supancic, M. (1992). Perceived risk and fear of crime: Role of social and physical incivilities. *Journal of Research in Crime and delinquency*, 29 (3), 311–334.

45. Mesko, G. (2012). A reflection on selected fear of crime factors in Ljubljana, Slovenia. *Journal of Criminal Justice and Security*, 14(A), 422–433.

Received 06.07.2016

Accepted 12.08.2016

Available online 20.09.2016

© Meško G., 2016.

Information about the author

Gorazd Meško, Ph.D., is Professor of Criminology and Head of the Institute of Criminal Justice and Security at of the Faculty of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Slovenia.

Address: Faculty of Criminal Justice and Security, Kotnikova 8, 1000 Ljubljana, Slovenia, tel. +386-1-300-8319

E-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si

For citation of Russian version: Meško G. A Reflection on Selected Fear of Crime Factors in Ljubljana, Slovenia, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 3, pp. 161–174. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.161-174>

УДК 343.85:343.988(497.4)

Г. МЕШКО¹

¹ *Мариборский университет, Любляна, Словения*

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ФАКТОРОВ БОЯЗНИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В Г. ЛЮБЛЯНА, СЛОВЕНИЯ*

Цель: анализ факторов боязни преступлений по результатам исследования, проводившегося в 2009 г. в г. Любляна (Словения).

Методы: диалектический, системный, сравнение, наблюдение.

Результаты: анализ показывает, что уровень боязни преступлений не претерпел значительных изменений за последние два десятилетия. Последнее исследование в 2009 г. выявило, что восприятие вероятной виктимизации в форме эмоциональной реакции наиболее сильно среди тех, кто считает, что последствия виктимизации могут быть тяжелыми, а их способность защититься от преступника – низкая. Боязнь преступлений наиболее сильна среди женщин и пожилых людей. Личный опыт не влияет на восприятие вероятной виктимизации или на боязнь преступлений, а также на предвидение тяжести потенциальных последствий виктимизации. В данной работе представлены обзор литературы и предыдущих исследований по проблеме боязни преступлений, а также результаты использования новых моделей при изучении факторов боязни преступлений.

Научная новизна: исследование показало, что использованная модель боязни преступлений лучше объясняет дисперсию ($R^2 = .54$), чем прежде использованные модели (Словения, 2001, $R^2 = .43$; Хорватия, 2002, $R^2 = .43$; Босния и Герцеговина, 2002, $R^2 = .45$), а также дает ряд новых результатов и подтверждает результаты предыдущих исследований. Согласно результатам, респонденты в Любляне соотносят боязнь преступлений с влиянием различных преступлений на их жизнь. Однако исследование не подтвердило зависимость боязни отдельных преступлений от их тяжести. Наибольшую боязнь, согласно исследованию, граждане испытывают по отношению к ограблению с физическим насилием.

Практическая значимость: материалы статьи имеют практическое применение в области контроля над преступностью и профилактики, а также будут полезны научным и педагогическим работникам, правоприменительным работникам, аспирантам, студентам и всем интересующимся проблемами предупреждения и пресечения правонарушений.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; боязнь преступлений; факторы; Словения; Любляна

* Впервые статья опубликована в *Journal of Criminal Justice and Security*. Все права защищены. Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи. Для коммерческого использования обратитесь в редакцию *Journal of Criminal Justice and Security*: www.fvv.uni-mb.si

Цитирование оригинала статьи на английском языке: Mesko, G. (2012). A reflection on selected fear of crime factors in Ljubljana, Slovenia. *Journal of Criminal Justice and Security*, 14(4), 422–434.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Мешко Г. Исследование некоторых факторов боязни преступлений в г. Любляна, Словения // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 161–174. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.161-174>

Введение

В Словении изучение боязни преступлений началось в 1990-х гг., когда это явление исследовал в 1992 и 1997 гг. Pavlovič [1]. Он проводил международное исследование жертв преступлений (International Crime Victims Survey (ICVS)) в Любляне и других регионах Словении. Позже Meško и Umek [2], а также Meško и Farrall [3] тестировали социодемографические и социально-психологические модели боязни преступлений и повторили исследование Van der Wurff и др. [4]. Meško и Farrall [3] сопоставили полученные ими данные с результатами исследователей Шотландии и Нидерландов, и не обнаружили существенной разницы. Эта модель использовалась в следующем десятилетии в других исследованиях уровня боязни преступлений в городских районах Словении [5–10].

Сравнение результатов исследования боязни преступлений показывает, что факторы боязни преступлений среди населения Словении не претерпели значительных изменений. В 2009 г. указанные модели были дополнены следующими: социоэкономические факторы, социальные сети и межличностные отношения, беспорядки по месту жительства, вероятность виктимизации, изменение образа жизни в случае виктимизации, тяжесть преступления, доверие к государственным институтам, превентивные (предупредительные) меры [11].

Результаты исследования

1. Факторы боязни преступлений

В ходе анализа исследователи боязни преступлений [4, 12–15] пытались объяснить множество факторов и тестировали различные модели. Важным результатом этих работ стало включение социодемографических и социально-психологических переменных, кроме чисто демографических характеристик респондентов и их боязни преступлений [4].

Факторы боязни преступлений обсуждались в работе Vošnjak, Šifrer и Meško [16], в которой авторы провели их эмпирическое тестирование. В данной статье мы приводим основные результаты исследования 2009 г. в Любляне и рассматриваем те факторы,

которые вызывают боязнь преступлений у жителей городских районов.

1.1. Пол, возраст и социоэкономические факторы

Боязнь преступлений обычно сильнее выражена у людей, которые не уверены в своих возможностях защитить себя – по причине того, что они не умеют быстро бегать, недостаточно сильны физически, не могут позволить себе охрану дома или им нужно больше времени, чтобы восстановиться от причиненного материального или физического вреда. Такие социодемографические факторы, как пол, возраст и социоэкономическое положение, влияют на индивидуальную уязвимость и боязнь преступлений [13].

Прояснить концепцию уязвимости попытался Killias [17]. Он указал, что разница в восприятии уязвимости, возможно, берет начало в социализации, что особенно заметно по разнице между мужчинами и женщинами. Необходимо также учитывать личные факторы уязвимости, особенно пол, поскольку он всегда выступает значимым индикатором боязни преступлений в исследованиях. Неоднократно подтверждалась гипотеза, что женщины больше опасаются виктимизации, чем мужчины, несмотря на то, что последние являются более частыми жертвами всех видов преступлений, кроме сексуального насилия. У женщин боязнь сексуального насилия превышает боязнь других преступлений [18]. В результате постоянных столкновений с сексуальными домогательствами женщины начинают более настороженно относиться к возможным опасностям извне и вести более безопасный образ жизни, чтобы защитить себя. Однако следует с осторожностью интерпретировать эти предположения. Отметим, что наблюдается такой парадокс: боязнь преступлений наиболее велика у пожилых женщин, тогда как виктимизация в этой группе самая низкая; и наоборот, боязнь преступлений самая низкая в группе молодых мужчин, виктимизация среди которых наиболее высока.

Gilchrist, Bannister, Ditton и Farrall [19] и Meško и Areh [6] описывают стереотипы так называемых испуганных женщин и бесстрашных мужчин. Meško и Areh [6] поставили под сомнение существование таких стереотипов, протестировав концепции бесстрашных женщин и испуганных мужчин. По их мнению, стереотип об обеспеченных и боязливых женщинах предположительно возник с началом процесса социализации, которая подразумевает боязнь незнакомых людей и ситуаций, зависимость от знакомых мужчин (отец, брат, партнер), а также боязнь общественных мест. С критикой истерических и чрезмерных реакций у женщин выступают феминисты. Они доказали, что женщины более чувствительны и восприимчивы, чем мужчины; что женщины чаще подвергаются насилию (физическому и сексуальному) на работе, на улице и дома. Зависимость между виктимизацией, полом и отношением к виктимизации изучали Stanko и Hobdell [12]. Они обнаружили, что мужчины – жертвы жестоких преступлений испытывали большой страх, страдали от фобий и нарушений сна, становились чрезмерно осторожными, претерпевали изменения личности и в целом становились значительно более уязвимыми, что совпадает с реакциями, первоначально приписываемыми женщинам.

Согласно Gilchrist и др. [19], различия в боязни преступлений между полами – это, возможно, лишь одно из следствий неверной методологии, что подтверждается вышеупомянутой критикой феминистов. Даже если боязнь преступлений у женщин не преувеличена, мы находим все больше подтверждений тому, что боязнь преступлений у мужчин оценивается слишком низко. Такие низкие уровни боязни преступлений у мужчин всегда казались необычными, поскольку мужчины (как группа) испытывают высокую степень насилия, причем чаще всего в общественных местах и обычно от незнакомых людей. Можно предположить, что в опросах мужчины предпочитают отвечать так, чтобы не подорвать собственное представление о своей неуязвимости [20].

В литературе обсуждались и боязнь преступлений у пожилых и ее влияние на качество жизни [13, 20, 21]. Фактор возраста значительно повышает уязвимость и уровень страха у людей. Ряд исследователей [22–25, 15] утверждают, что эта зависимость невелика, или вовсе отсутствует, или обусловлена другими факторами, такими как низкий доход, одиночество или проблемы со здоровьем. Другие же работы [26, 20] показывают, что при определенных обстоятельствах пожилые испытывают меньший страх виктимизации, чем молодые.

Meško [15] показал, что пожилые больше зависимы от ежемесячного дохода (пенсий) и любая потеря денег, ущерб, стоимость медицинского обслуживания представляет для них более значительную психологическую нагрузку, чем для других групп. Кроме того, реабилитация пожилых, которые в основном являются жертвами тяжких преступлений (например, грабеж, телесные повреждения), занимает больше времени и часто связана с более серьезными проблемами, чем у молодых.

Важными дополнительными факторами боязни преступлений являются уровни дохода и образования. Уровень страха среди бедных и менее образованных людей выше, чем среди белых, богатых и лучше образованных граждан. Такое положение можно объяснить факторами окружения и факторами контекста. Менее богатые и образованные люди обычно живут в районах с высоким уровнем преступности и грубого поведения. Представителям более низких социально-экономических групп труднее защитить себя и свое имущество или избежать ситуаций, порождающих боязнь преступлений [13].

Кроме материальных ресурсов, важно рассмотреть и социальные ресурсы, определяемые через качество социальных сетей.

1.2. Социальные сети, социальный капитал и социальная сплоченность

Определенный уровень социальной сплоченности, человеческой солидарности, лояльности, групповой и межличностной привлекательности и ответственности присущ всем социальным группам и обществу в целом. Все эти характеристики внутренней жизни общества описываются термином «общественный климат» в группе. Хороший общественный климат характеризуется высоким уровнем социальной сплоченности, преобладанием положительных эмоций среди членов группы, чувством ответственности за успех или неуспех группы, а также чувством принадлежности к группе и обращением группы к своим членам (ценностям). Низкая социальная сплоченность выражается в преобладании отрицательных эмоций среди членов группы, враждебностью и конфликтами между членами группы, недостаточном чувстве принадлежности к группе, отсутствии чувства ответственности за успех или неуспех группы и недостаточном обращении группы к своим членам [27].

Участие в сетевых сообществах – типичная характеристика современного общества. Степень вовлеченности в сетевые структуры влияет на уровень социальной

интеграции личности и уровень жизни. Именно социальный капитал способствует развитию сетей и создает условия для возникновения и поддержания интеграции в современном мире. Как формальные, так и неформальные социальные сети являются существенными компонентами социального капитала [28]. Kawachi, Kennedy и Wilkinson [29] указывают на зависимость между низким уровнем развития социального капитала и высоким уровнем преступности. Они доказывают концепцию социальной дезорганизации, согласно которой уровень социальной сплоченности или социального капитала играет ключевую роль в понимании взаимосвязи между уровнем преступности и характеристиками окружения, сообщества и общества в целом. Cohen и Prusak [30], а также Martinjak [28] установили, что сообщества с высоким уровнем социального капитала имеют более высокие показатели здоровья, более благоприятную структуру образования и экономического роста и более низкий уровень преступности.

1.3. Боязнь преступлений и социальные и физические беспорядки в окружении

Кроме социальных взаимоотношений, важным триггером боязни преступлений является беспорядок в окружении. Meško и Umek [2] связали боязнь преступлений с характеристиками физического окружения по месту жительства людей, поскольку такие зависимости ранее не были достаточно изучены. Необходимо учитывать два вида беспорядка [15] – физический и социальный. Признаки физического беспорядка – это неопрятность, обветшалые здания, кучи мусора, граффити, вандализм, брошенные машины и т. д. Самые очевидные признаки социального беспорядка – это пьяные компании в общественных местах, бродяги, нищие, группы молодежи, шатающиеся по улицам, хулиганство, неприкрытые предложения наркотиков и их употребление в общественных местах. Физические и социальные беспорядки являются индикаторами неблагополучия в окружении, причиной преступности и повышенной боязни преступлений. Признаки беспорядка и неопрятность привлекают потенциальных правонарушителей. Ликвидация этих признаков повышает риск для правонарушителей, снижает уровень преступности и уровень боязни преступлений [15].

Место жительства должно стать безопасным местом, не представляющим угрозы для живущих там людей. Простое понимание того, что человек может получить социальную и эмоциональную

поддержку, приводит к снижению уровня страха, а следовательно, и к ощущению меньшей уязвимости. Чувство принадлежности к сообществу помогает людям поверить в свои возможности, тем самым снижая чувство потенциальной виктимизации и боязни преступлений. Если боязнь преступлений связана с беспорядками в окружении, социальными или физическими, жители определяют их признаки и на основе сотрудничества уменьшают их воздействие. Интеграция в сообществе также помогает создавать более точные мысленные карты безопасных и небезопасных мест в окружении [13].

1.4. Вероятность виктимизации и боязнь преступлений

Возможность виктимизации связана с восприятием вероятности виктимизации; она может действовать в сочетании с другими факторами, такими как пол, возраст, место жительства, официальная статистика преступности, осведомленность людей, либо другие факторы влияют на боязнь преступлений косвенным образом, через формирование ощущения потенциальной виктимизации. Ferraro [18] пришел к выводу, что оценка вероятности виктимизации является важным – хотя не самым важным и тем более не единственным – фактором развития боязни преступлений. Еще одно важное открытие – влияние вероятности виктимизации на различные реакции человека и их последствия. Она влияет не только на то, что люди чувствуют (боязнь), но и на то, что они делают (изменения в поведении), чтобы избежать ситуаций, связанных с преступлениями. Они могут, например, покупать охранные системы, избегать общественного транспорта, менять повседневные действия. Однако до сих пор не вполне понятно, как такое поведение влияет на боязнь преступлений. Оно может усиливать страх, уменьшать его или вообще не оказывать влияния. В своем исследовании Ferraro [18] показал, что изменения в поведении могут в долгосрочном периоде уменьшать оценку риска виктимизации, но они не уменьшают боязни преступлений. Применение превентивных мер для снижения риска виктимизации не может породить боязни преступлений, если последняя не существовала ранее, но оно может усилить существовавшую боязнь.

1.5. Влияние виктимизации – прямая и сторонняя виктимизация

Skogan [31] установил, что боязнь преступлений связана с виктимизацией. Его исследование

проводилось в городах Хьюстон и Ньюарк с перерывом в шесть месяцев. Как насильственные, так и имущественные преступления влияли на боязнь преступлений, в особенности на боязнь повторения таких же. Боязнь также усиливалась под влиянием виктимизации в прошлом и ее частоты. Skogan [31] также определил, что виктимизация имеет лишь краткосрочный эффект на боязнь преступлений и что временной промежуток с момента виктимизации не был достаточно исследован [15]. Боязнь преступлений может быть пропорциональна тяжести перенесенного преступного деяния.

Считается, что люди больше опасаются стать жертвой насильственного, чем имущественного преступления. Однако исследования показывают, что частота преступных деяний уменьшается с их тяжестью; чем более тяжкое преступление, тем реже оно совершается. Следовательно, если бы тяжесть преступления была единственным (или важнейшим) фактором боязни, то люди больше всего боялись бы преступлений с самой низкой вероятностью их совершения. Тогда самым сильным был бы страх стать жертвой убийства. Wart [32] показал, что это утверждение неверно, и рассмотрел другие факторы этого явления, а именно степень риска, тяжесть последствий преступления, невозможность сопротивляться преступнику, социальные факторы (размер окружения, порядок в окружении, уровень преступности), индивидуальные характеристики (пол, возраст, образование, социоэкономическое положение), восприятие социальной дезорганизации (вандализм, наркотики), интеллектуальное суждение о потенциальной виктимизации, уровень преступности, прямой опыт виктимизации.

Тяжесть преступления является, следовательно, лишь одним из факторов боязни преступления [32]. Кроме того, сторонний опыт, например знакомство с жертвами или информация о жертвах из средств массовой информации, может повысить восприятие риска виктимизации [33]. Это так называемые множители преступлений, т. е. процессы, которые происходят в окружении и «распространяют» влияние преступных деяний [34].

Исследования показывают, что информация о жертвах преступлений среди друзей и знакомых усиливает боязнь преступлений, а сторонний опыт виктимизации повышает страх виктимизации так же, как и прямой опыт. Однако следует отметить, что многие граждане получают информацию о преступлениях через такие каналы, которые могут ослабить, умень-

шить и исказить реальную картину преступности [35]. Личное восприятие риска может дополнительно подстегиваться межличностным общением со сверстниками, членами семьи, друзьями, знакомыми и СМИ, тогда как собственный опыт, напротив, смягчает это восприятие [36, 37].

Одним из возможных объяснений увеличения боязни преступлений является сторонняя виктимизация. Жертва преступления, рассказывающая свою историю, вызывает сострадание и сочувствие к своим проблемам. Еще более доступным источником сторонней виктимизации являются СМИ, драматически или реалистически показывающие различные криминальные деяния. Наибольшее влияние оказывает телевидение, показывающее все больше сериалов и передач о работе полиции и о преступности. Все каналы заполнены передачами, определяющими взгляд человека на общество и его восприятие преступного мира. Это касается не только уличной преступности; часто подчеркивается также уязвимость домов, последствия беззаботного поведения и незащищенность от всякого рода опасностей [36]. Печатные СМИ также оказывают большое влияние на боязнь преступлений. Проанализировав британские газеты, Williams и Dickinson [38] установили, что боязнь преступлений часто зависит от того, как преступление показано в газете. С помощью телефонного опроса Chiricos, Hogan и Gertz [39] выяснили, что люди, которые много смотрят телевизор и слушают новости по радио, испытывают большую боязнь преступлений, причем это особенно характерно для женщин.

1.6. Доверие к государственным институтам

После обретения независимости в 1991 г. государственные институты и политическая система Словении ожидали изменений, касающихся демократической институционализации. Граждане очень внимательно оценивали социальные, экономические и политические трансформации, которые влияли на качество их жизни. До этого доверие к институтам политической системы постепенно уменьшалось, и лишь к концу 1990-х оно повысилось [40]. Тем не менее именно институты политической системы в настоящее время не пользуются доверием граждан, при этом наименее доверяющие им группы являются самыми активными: это молодые люди, хорошо образованные, имеющие высокий социальный статус, наименее склонные к дискриминации и эгалитаризму. Таким образом, носители недоверия представляют

собой значимый потенциал для демократического развития общества.

Rus и Тоš [40] подчеркивали, что доверие – это не главное; сила демократии лежит также в недоверии при условии, что оно оправдано основными ценностями демократической системы и выражается наиболее образованными и информированными членами общества, либо активными гражданами и группами, подготовленными и обученными для реформирования систем. Тем не менее в международных рейтингах Словения находится «где-то посередине». Что касается степени выраженного недоверия, то Словения незначительно отличается от стран традиционной демократии, за исключением того, что в рассматриваемой нами стране ниже уровень доверия институтам политической системы, а также разрушено доверие к судебной системе; напротив, уровень доверия к государственным институтам благосостояния заслуженно высок; кроме того, высок уровень доверия к образовательной системе и средствам массовой информации.

Выводы

В данном разделе мы представляем и обсуждаем результаты исследования боязни преступлений, проведенного в 2009 г. в шести крупных городах на территории бывшей Югославии, с акцентом на столицу Словении город Любляна [41]. Результаты данного исследования обсуждаются в сопоставлении с результатами исследования боязни преступлений, упомянутыми во вступительной части статьи. Обзор исследований боязни преступлений в Словении показывает, что за прошедшие два десятилетия не наблюдается значимых изменений влияния факторов боязни преступлений на уровень боязни преступлений. Данный результат может объясняться применением той же модели, когда в опросах использовались те же вопросы, а также предположением, что факторы боязни преступлений остаются неизменными в городских районах. Несмотря на увеличение уровней преступности и лишения свободы в Словении по сравнению с серединой 1990-х гг. [42], исследования боязни преступлений показывают, что факторы боязни преступлений и их интенсивность остаются достаточно стабильными. Модель исследования, состоящая из социодемографических и социально-психологических вопросов 2009 г. с добавлением новых переменных, позволила по-новому взглянуть на факторы боязни преступлений.

В анализе опроса 2009 г. переменная боязни преступлений была включена в регрессионный анализ

в качестве зависимой переменной. Регрессионному анализу предшествовал факторный анализ по разделам опросника. Исследование показало, что использованная модель боязни преступлений лучше объясняет дисперсию ($R^2 = .54$), чем прежде использованные модели (Словения, 2001, $R^2 = .43$; Хорватия, 2002, $R^2 = .43$; Босния и Герцеговина, 2002, $R^2 = .45$) [10], а также дает ряд новых результатов и подтверждает результаты предыдущих исследований. Согласно результатам, респонденты в Любляне соотносят боязнь преступлений с влиянием различных преступлений на их жизнь. Однако исследование не подтвердило зависимость боязни отдельных преступлений от их тяжести. Наибольшую боязнь, согласно исследованию, граждане испытывают по отношению к ограблению с физическим насилием.

Что касается сторонней виктимизации, восприятие насильственного преступления, жертвой которого был другой человек (если он делится информацией об этом с другими людьми), оказывает более значительное влияние на повышение уровня боязни преступлений, чем восприятие имущественных преступлений. Что касается восприятия вероятности прямой виктимизации, имущественные преступления вызывают больший страх, чем насильственные, тогда как результаты влияния сторонней виктимизации показывают обратную зависимость. Знакомство с жертвой насильственного преступления оказывает более сильное влияние на боязнь преступлений, чем знакомство с жертвой имущественного преступления.

Данное исследование подтверждает, что восприятие вероятности виктимизации вызывает последующие эмоциональные реакции, в особенности у тех, кто считает, что последствия виктимизации будут тяжелыми. Женщины в большей степени ощущают угрозу, чем мужчины, а пожилые граждане – в большей степени, чем другие группы. Тем не менее к этим результатам следует относиться с осторожностью, так как классификационный анализ показал, что процент правильно классифицированных единиц выше среди женщин (83 %), чем среди мужчин (59 %). Анализ показывает, что стереотип об обеспокоенной, испуганной женщине во многом верен, но стереотип о мужчине, не боящемся преступлений и своей возможной виктимизации, следует подвергнуть сомнению, так как 41 % мужчин ответили так же, как женщины.

Наиболее подвержены боязни преступлений граждане старше 56 лет. Респонденты из самой молодой

группы – 18–21 года чувствуют угрозу в меньшей степени, а респонденты в возрасте 31–55 лет наименее подвержены боязни преступлений. Граждане Любляны старше 56 лет имеют также наибольшее доверие к государственным институтам. Беспокойство по поводу преступных деяний, последствий преступлений и негативное влияние на жизнь в случае виктимизации стабильно повышаются с возрастом, тогда как уверенность в собственных возможностях защититься от преступника так же стабильно понижается.

Респонденты, в большей степени испытывающие доверие к соседям, имеющие больше друзей и людей, на которых они могут положиться, в меньшей степени ощущают угрозу. Вовлеченность в социальные сети более типична для пожилых граждан, которые также считают ее более ценной. Уровень социальной вовлеченности оценивался такими вопросами, как: «Людьми в нашем районе можно доверять», «У меня много друзей в нашем районе», «В нашем районе много надежных людей», «Когда я иду в магазин или гулять, я встречаю много знакомых». Больше положительных ответов на эти вопросы давали именно пожилые люди, что показывает, что они в большей степени довольны проживанием в сообществе с другими людьми и чаще устанавливают социальные контакты. Наименьшее количество положительных ответов на эти вопросы давали молодые люди в возрасте 18–20 лет.

Кроме социальных отношений по месту жительства, важным фактором боязни преступлений является также беспорядок в окружении [2, 43]. В Любляне он не являлся значимым для определения уровня боязни преступлений.

В начале данной статьи указывалось, что уровень дохода является важным фактором боязни преступлений, так как она выше среди бедных и низкообразованных слоев населения, чем среди более богатых и высокообразованных. Это положение не нашло подтверждения. Можно предположить, что более состоятельные граждане могут позволить себе больше «защиты», чем менее состоятельные. Hale [13] утверждает, что люди из более низких социоэкономических групп в меньшей степени способны защитить

себя и свое имущество. Однако результаты нашего исследования не подтверждают этот тезис. Поэтому в данном исследовании мы исключили принадлежность к социальному классу как один из основных элементов социальной уязвимости и фактор боязни преступлений. Мы считаем, что люди из более низких социоэкономических групп будут в большей степени ощущать тяжелые последствия виктимизации и возможная виктимизация сильнее повлияет на их жизнь. Более состоятельные граждане также указывают на более развитые межличностные отношения.

Предыдущая виктимизация респондентов слабо влияет на их оценку вероятности преступления в ближайшие 12 месяцев, так как те респонденты, кто уже становился жертвой преступления, считают, что в ближайшие 12 месяцев они вряд ли станут жертвой таких преступлений, как уличное ограбление, мошенничество, физическое насилие, воровство, хулиганство. Более того, считается, что возможная виктимизация в ближайшие 12 месяцев будет иметь менее тяжелые последствия для тех, кто никогда не становился жертвой преступления, чем для тех, кто когда-либо был жертвой. Переменная «вероятность виктимизации в ближайшие 12 месяцев» не является статистически значимым прогнозатором боязни преступлений, поскольку было доказано, что она не влияет на существующую у респондентов боязнь преступлений.

Исследования боязни преступлений 2009 г. в Любляне требуют продолжения, которое запланировано на 2017 г. Поскольку оно будет включать все вопросы из предыдущих опросников и новые вопросы относительно боязни преступлений, этот инструмент требует дополнительных проверок в ходе исследований боязни преступлений. Результаты данного исследования имеют большое значение для контроля уровня преступности и развития законодательства в области профилактики преступлений в условиях города, а также для специалистов, внедряющих стратегии профилактики преступлений [44].

Дата поступления 06.07.2016

Дата принятия в печать 12.08.2016

Дата онлайн-размещения 20.09.2016

© Мешко Г., 2016.

Информация об авторе

Мешко Горазд, доктор философии, профессор криминологии, руководитель Института криминальной юстиции и безопасности, факультет криминальной юстиции и безопасности, Мариборский университет, Словения
Адрес: Faculty of Criminal Justice and Security, Kotnikova 8, 1000 Ljubljana, Slovenia, tel. +386 1 300 8319
E-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si